

А.С. Бойчук

Волгоградский государственный
педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НЕКОТОРЫХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ МЕТАФОР ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА)

*Русская словесность как сокровищница
духовных традиций русского народа*

Метафора в современном языкознании выступает предметом многоаспектного исследования. В частности, немало работ посвящается идиостилевым характеристикам творчества кого-либо из мастеров слова. Авторы таких исследований неизбежно обращаются к тем образным выражениям, которым отдаёт предпочтение тот или иной писатель. В случае если выбор объекта метафорического переосмысления ограничен пределами одного лексико-семантического поля, можно говорить об использовании отдельного тематического класса метафор как индивидуально-авторской особенности стиля.

Активность функционирования таких классов напрямую зависит от процессов, происходящих в сознании носителей языка. Такие процессы обусловлены социокультурными факторами, историческими изменениями в обществе и т.д.

Особо тесная связь с указанными процессами отличается, в частности, метафоры гастрономические. Это отдельный тематический тип в составе метафор русского языка (он стоит в одном ряду с такими образованиями, как метафора зооморфная, медицинская, музыкальная и т.д., выделяемыми рядом учёных, в том числе и В.П. Москвиным [Москвин, 2000: 123–124, 129]).

Гастрономические метафоры представляют собой образные обороты речи, выражения, относящиеся к процессу приготовления и потребления пищи.

Активное использование таких метафор рассматривается нами как идиостилевая черта творчества А.П. Чехова. Это предположение базируется на ряде факторов, среди которых особое значение имеет связь между использованием рассматриваемых образных выражений и творческими задачами, которые ставит перед собой автор.

Для А.П. Чехова характерна подробнейшая детализация при изображении повседневного течения жизни, человека, погружённого в быт, поглощённого бытом. Значимой оказывается и творческая установка на изображение людей определённого типа и склада характера, которых породила «эпоха безвременья», «отсутствия общей идеи» в русском обществе. Описание бытовых подробностей вместе со стремлением к изображению «пошлости пошлого человека» создают предпосылки к активному использованию гастрономических метафор, особенно отдельных их групп, отличающихся тесной связью с физиологическим, материально-телесным аспектом человеческого существования.

Характер используемых писателем метафор во многом связан и с настроениями в обществе, актуальными

ми для той эпохи (называемой также «эпохой безвременья»). Возникают параллели с нашим временем, когда активное использование гастрономических метафор связано с вхождением в узуальное употребление такого термина, как «общество потребления». Данное понятие используется для характеристики состояния современного общества как в научных исследованиях (труды Э. Фромма, Г. Дебора, В.И. Ильина, В.П. Руднева и др.), так и в сознании большинства членов социума.

Итак, гастрометафоры, используемые А.П. Чеховым, могут быть рассмотрены как актуальные показатели социокультурных изменений исторического периода конца XIX – начала XX в. При этом адекватное восприятие и понимание смыслообразующих связей, обуславливающих возникновение некоторых из них, в настоящий момент времени может быть затруднено.

Мы выделили из общей массы гастрометафор в произведениях А.П. Чехова случаи, при столкновении с которыми у современного читателя возникают затруднения в восприятии образа, заложенного в высказывании, и подвергли их классификации (были сформулированы также причины возникших затруднений). Выяснилось, что именно актуальный характер гастрометафоры может воспрепятствовать (в большей или меньшей мере) её адекватному восприятию по прошествии некоторого промежутка времени от момента её возникновения.

Мы выделяем в отдельную группу случаи, когда для образования гастрометафоры используются *понятия и явления из области кулинарии, не встречающиеся сегодня в узуальном употреблении:*

Работай, голубчик! Бди, копти и не траться на суету! Не делай из себя и из своей работы м у к у Н е с т л е [Чехов, т.12: 60].

Понять, какие именно ассоциации побудили к использованию данного образа вне знания культурно-исторических реалий, невозможно. Обратившись к истории понятия, обнаруживаем следующее:

Генри Нестле (швейцарский фармацевт), основал компанию «Nestle» в 1866 году. Он начинал с производства молочных смесей: созданная им комбинация молока, пшеничной муки и сахара Farine Lacte Henry Nestle (Молочная Мука Нестле) стала находкой для вскармливания грудных детей. Первым, кого спасла молочная мука Нестле, стал недоношенный ребенок, организм которого не воспринимал ни молоко матери, ни существовавшие в то время его заменители []. После этого случая молочная смесь получила признание и уже через несколько лет начала продаваться по всей Европе (URL: <http://www.retroreklama.ru/detpit.html> (дата обращения: 22.11.09)).

Помогает истолкованию и опора на расширенный текст послания. Писатель даёт родственнику такие рекомендации:

Уважай ты себя, ради Христа, не давай рукам воли, когда мозг ленив! Пиши не больше 2-х рассказов в неделю, сокращай их, обрабатывай, дабы труд был трудом. Не выдумывай страданий, к<ото>рых не испытал, и не рисуй картин, к<ото>рых не видел, — ибо ложь в рассказе гораздо скучнее, чем в разговоре [Чехов, т.12: 59].

Таким образом, можем предположить, что А.П. Чехов предохраняет от создания произведений «легко-

весных», не несущих осознанной идеи, которые легко «усваиваются» «младенцами» — широкой и обладающей невзыскательным вкусом публикой. Такое отношение подтверждает, например, следующее высказывание:

Действующие лица: Публика, дама приятная во всех отношениях; к у ш а е т всё, что п о д а д у т [Чехов, т.2: 278].

Такие наименования, как *консоле*, *бланманже*, *сбитень* и т.п., ещё идентифицируются носителями языка как относящиеся к области кулинарии, но точное их значение большинству уже неизвестно, вследствие чего и возникают проблемы при метафорическом переосмыслении понятия. Можно установить связь этих процессов с «катастрофическим падением уровня культуры питания» (по выражению В.В. Похлёбкина), поспособствовавшие которому исторические катаклизмы XX в.

К данной группе относится и термин *гастроном*, не вышедший из активного употребления, но переосмысленный с учётом реалий времени. А.П. Чехов в следующем высказывании подразумевал всё же «знатока, любителя и ценителя тонких блюд, человека, разбирающегося в тонкостях кулинарного искусства»:

Есть много таких мест, которые не поймутся ни критиками, ни публикой..., но я заранее радуюсь, что эти самые места поймут и оценят два-три литературных г а с т р о н о м а, а этого с меня достаточно [Чехов, т.12: 85].

Сегодняшнему пониманию метафоры препятствует тот факт, что «у нас слово «гастроном» было присвоено в середине 30-х гг. продовольственным магазинам высшей и первой категории с разнообразным ассортиментом пищевых «гастрономических» товаров» [Похлёбкин, 2009: 822], и такое значение слова стало доминирующим.

Хотелось бы обратить внимание также на случаи использования писателем понятий из области «обрядовой» кулинарии. Нельзя сказать, что объекты и понятия, подвергающиеся метафоризации, вышли из активного употребления в своём прямом значении. Однако более чем полувековой негласный запрет на использование любых выражений, имеющих отношение к религии, сыграл свою роль: несмотря на отсутствие каких-либо ограничений на сегодняшний день, данная группа гастрономических метафор практически выпала из употребления.

Между тем церковные обряды составляли неотъемлемую часть жизни тех, обычных, «средних» людей, жизнь которых описывал А.П. Чехов, и, как следствие, встречаем в его текстах такие слова и выражения: *кутья (с патокой)*, *творожная пасха с шафраном*, *кулич*, *поститься/разговеться*, *постный/скоромный* и т.д.:

1. *Второе наше удовольствие с к о р о м н о е, но под иностранной и, стало быть, п о с т н о й бандеролью — раздирательный «Салюшка» с трехэтажным канканом и декорированными куплетцами* [Чехов, т.4: 344].

2. *Отойди от меня, длиннополая к у т ь я, чтоб я тебя не видел своими глазами* [Чехов, т.3: 6].

Отдельно выделяем случаи, когда сама метафора или отдельный компонент в её составе представляли собой жаргонное идиоматическое выражение, присущее определённой социальной группе, на настоящий момент исчезнувшей. Сюда относим выражение *отве-*

дать берёзовой каши в значении «подвергнуться порке» из жаргона гимназистов:

Почитайте старших не потому, что за непочтение у г о щ а ю т б е р ё з о в о й к а ш е й, а потому, что этого требует справедливость [Чехов, т.2: 250].

Другое выражение этой группы, неоднократно «всплывающее» в работах, посвящённых творчеству писателя, — это *мантифолия на уксусе*:

Да что с тобой, дураком, толковать! Как об стену горохом М а н т и ф о л и ю н а у к с у с е р а з в о д и т ь с тобой только [Чехов, т.1: 213].

Так, в одноимённой статье Шварцкопфа Б.С. приводятся следующие сведения:

Лексикографические источники свидетельствуют о том, что жаргонно-семинаристское по происхождению слово «мантифолия» — при общей его иронической окраске — выступало в двух различных значениях: «случай, казус» и «патетическая (витиеватая) речь».

Выражения со словом «уксус» в употреблении Чехова, по-видимому, служили для подчеркнутой отрицательной оценки чего-либо. Можно думать, что такая — индивидуальная — особенность словоупотребления Чехова семантически базируется на ассоциативной связи значений слов «уксус» («жидкость с резким кислым вкусом») и «кислый» (разговорно-оценочное «выражающий неудовольствие») [Шварцкопф, 1983: 17–18].

Данное утверждение в контексте нашего исследования может быть дополнено следующими замечаниями. В произведениях А.П. Чехова черты характера героя зачастую описываются при помощи слов *сладость* (с компонентом «избыточность»), *приторность* и *кислота*. При этом *кислый* зачастую используется как синоним выражений *скучный*, *бессмысленный*, *бесполезный*:

1. *Случалось, что он рассказывал ей содержание повестей и даже романов, и тогда два или три часа проходили незаметно, как минуты. Теперь он начал как-то к и с л о, расслабленным голосом и закрывши глаза* [Чехов, т.8: 241].

2. *Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, к и с л о е, скучное, сами мы к и с л ы и скучны, умеем рождать только гуттаперчевых мальчиков, и не видит этого только Стасов, которому природа дала редкую возможность пьянеть даже от п о м о е в* [Чехов, т.12: 272].

Таким образом, выражение *разводить мантифолию на уксусе* может быть рассмотрено как окказиональная гастрономическая метафора, используемая в значении «нудно и долго, но с большой долей патетики говорить о чём-либо».

С некоторой долей условности в эту же группу включаем простонародное выражение *испечь рака* в значении «осрамить, устроить скандал» (данное значение не фиксируется словарями):

Ужо погоди! Такого тебе р а к а и с п е к у, что будешь знать, как невинных девушек губить! И младенца тебе подкину, и в суд пойду, и жене твоей объясню [Чехов, т.6: 123].

Можно предположить, что данное выражение опирается на народные представления о раке как о существе страшном, облик которого способен испугать (отголоски этих воззрений находим в народных заговорах, толкованиях сновидений):

1. *Чтобы избавиться от лихорадки, пишут на клочке бумаги «рака усен» (т. е. «рака несущ», т. к. считается, что лихорадка боится рака), обрывают все буквы и дают больному съесть с хлебом утром натощак* (URL: <http://es-dejavu.ru/z/Zaum-2.html> (дата обращения: 22.11.09)).

2. *Раки – это плохо, срам, кто-нибудь осрамит. Большой стыд будет* (URL: <http://sonnik.guru.ua/slovo/2328> (дата обращения: 22.11.09)).

Интересны также случаи, когда метафора, на сегодняшний момент активно функционирующая в языке, используется А.П. Чеховым в несколько ином ключе. К примеру, метафора со словом изюминка в значении 'то, что придаёт чему-либо или кому-либо особую привлекательность, неповторимость, оригинальность', появляется (по данным «Словаря крылатых слов и выражений») впервые появляется у Л.Н. Толстого в драме «Живой труп» (премьера – 1912г.). Его Фёдор Протасов говорит собеседнику (дейст. 5, карт. 1. явл. 1): «Моя жена идеальная женщина была. Но что тебе сказать Не было изюминки. Знаешь, в квасе изюминка? – не было игры в нашей жизни» [ЭСКСИВ, 2005: 312]. Но у А.П. Чехова в произведениях, вышедших за четверть века до драмы Л.Н. Толстого, находим:

Ты теперь, положим, ничтожество, нуль, соринка и з ю м и н к а – а кто знает? Может быть, со временем и того судьбы человеческие за вихор возьмёшь! Всякое бывает [Чехов, т.1: 64].

Здесь явно актуализируются иные исходные свойства объекта метафоризации. *Изюминка* – нечто 'незначительное, маловажное, не выделяющееся из общей массы'. Такое значение прямо противоположно общепринятому, что может вызвать затруднения у современного читателя.

В заключение, хотелось бы ещё раз обратить внимание на тот факт, что именно актуальный характер рассмотренных гастрометафор на момент их использования, их включённость в контекст эпохи во многом обусловила и последующие затруднения в их восприятии современным носителем языка.

Литература

Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность URL: http://www.hse.ru/-journals/-wrlldross/vol05_2/ilyn.pdf (дата обращения: 21.02.2009).

Москвин В.П. Стилистика русского языка: приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация) : пособие для студ. Волгоград : Учитель, 2000.

Похлёбкин В.В. Большая энциклопедия кулинарного искусства. М. : Центрполиграф, 2009.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2003.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. М. : Правда, 1985.

Шварцкопф Б.С. Мантифолия с уксусом // Рус. речь. 1983. №1. С. 15–17.

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М. : Локид-Пресс, 2005 (ЭСКСИВ).